

Православное понимание Евхаристии

*Доклад митрополита Волоколамского Илариона на **Международном Евхаристическом конгрессе** (Будапешт, 6 сентября 2021 года).*

Между католиками и православными нет евхаристического общения, однако их связывает общая вера в то, что присутствие Христа в освященных евхаристических хлебе и вине – не просто символическое, но реальное и всецелое, что евхаристические хлеб и вино – истинные Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, и что Евхаристия совершается не просто в воспоминание о Тайной Вечере, но актуализирует ее для каждого верующего, участвующего в богослужении. В Евхаристии предстоятель действует не от своего имени. От имени Иисуса Христа он повторяет слова, которые Христос первоначально произнес на Тайной Вечере. И именно Христос, а не священник или епископ, совершает таинство.

Наиболее яркое выражение эта идея получила в православной иконографии, в частности, в иконографическом типе, известном как «Причащение апостолов». На иконах этого типа мы видим

Иисуса Христа, преподающего Свои Тело и Кровь ученикам, в том числе, что примечательно, и апостолу Павлу, который не участвовал в исторической Тайной Вечере. То, что он присутствует на иконе, свидетельствует о символическом характере всей композиции. Изображенное – не Тайная Вечера, а Евхаристия, в которой участвует всё тело Церкви.

Православная Церковь твердо верит в то, что Божественная литургия – это всеобъемлющее богослужение, выходящее за пределы пространства и времени, соединяющее Царство Небесное и царство земное, живых и мертвых, ангелов и людей, святых и грешников.

Полагаю, многие из вас бывали в древних византийских храмах, стены которых украшены фресками или мозаиками, и замечали, что очень часто фигуры святых на них располагаются рядами, один под другим: в верхнем ряду пророки, под ними апостолы, еще ниже мученики, затем святители и преподобные. При этом в нижнем ряду фигур нет, ведь его призваны занять люди, стоящие в храме, прихожане, которые вместе со святыми приобщаются к небесной тайне Святой Евхаристии.

Выходя из алтаря с кадиллом, священник сначала кадит иконы с изображением святых, а затем прихожан и кланяется верующим точно так же, как перед этим кланялся святым. Тем самым он показывает, что для него, как для Церкви и для Самого Христа, прихожане столь же важны, что и святые, которые уже разделяют со Христом Его небесную славу.

Угодники Божии уже достигли своей цели; мы же еще стремимся к ней. И путь, ведущий к спасению, немислим без Евхаристии. Вне Церкви нет спасения: и католики, и православные убеждены в этом, хотя мы по-разному локализуем саму Церковь. Представить себе Церковь без Евхаристии невозможно, поэтому понятия о Церкви, Евхаристии и спасении оказываются неразрывно связанными в нашем богословии.

Говоря о спасении, греческие отцы часто использовали термин *theosis* (буквально «обожение»). Обожение означает не столько избавление от чего-то, будь то от дьявола, греха или ада, сколько полное соединение с Богом, в результате которого человек обретает божественные качества.

Мы исповедуем, что Иисус Христос обладает в полной мере и божественной, и человеческой природой. Он не является наполовину человеком и наполовину Богом: Он всецело человек и всецело Бог. Для описания этого греческие отцы использовали еще одно понятие – *perichoresis* (буквально «взаимопроникновение»), имея в виду, что человеческая природа Христа всецело обожена, а Его божественная природа, если можно так сказать, очеловечена. Приняв на Себя человеческую природу, воплотившийся Бог освятил ее. При этом таинственным образом Его божественная природа также связана с Его человеческой природой. Восстав из мертвых и

вознесшись на небо, Он не оставил Свое тело здесь, на земле, подобно тому, как змея сбрасывает старую кожу. Напротив, Он вознесся к Своей небесной славе в Своем человеческом теле, возведя на небо и всё человечество. Эта богословская идея выражена в православных песнопениях, посвященных празднику Вознесения.

Не буду больше обременять вас серьезным богословием и трудными греческими словами. Перейду к сути дела. Православная Церковь считает Евхаристию самым действенным средством достижения той цели христианской жизни, которая обозначается словом «обожение». Каким образом? Когда мы приобщаемся Святых Таин, Тело Христово проникает в наше тело, и Его кровь начинает течь в наших венах. Не только разумом и сердцем, но и телом мы соединяемся со Христом. Подобно тому, как в Самом Христе вся полнота человеческой природы (тело, душа и дух) была соединена с Богом, так и всё наше человеческое естество участвует в обожении.

Возможно, именно в этом заключается самое поразительное отличие христианства от других монотеистических религий. Каждая из них претендует на то, что предоставляет людям доступ к Богу посредством молитвы, богослужения, почитания Бога и исполнения Его заповедей. Однако ни одна религия не осмеливается предлагать человеку такой союз с Богом, который предполагал бы полное единение с Ним и обретение божественных качеств. Такая идея могла бы даже показаться кощунственной некоторым верующим-нехристианам, поклоняющимся единому Богу.

Для нас же, христиан, это составляет самую суть нашего богословия. Мы можем использовать разные термины (кто-то предпочитает латинские вместо греческих), однако я убежден, что все мы верим в возможность подобного единения.

Достигается ли такого рода единение каким-то автоматическим или магическим образом? Достаточно ли приобщиться Святых Таин, чтобы прийти к состоянию обожения? Очевидно, что нет, иначе все причастники Тела и Крови Христовых уже стали бы святыми. Парадокс заключается в том, что, когда Тело и Кровь Христовы проникают в наши тело и кровь, Он в полной мере соединяется с нами, однако мы не всегда способны соединиться с Ним. Он внутри нас, однако мы зачастую оказываемся вне Его.

Почему так происходит? Возможно, потому что в повседневной жизни мы не исполняем Его заповеди; возможно, потому что в то время, как наше тело находится в храме, наши разум и сердце далеко; возможно, потому что наши грехи стоят неприступной стеной между нами и Богом; возможно, по множеству иных причин.

Для православной традиции характерны довольно долгие богослужения. Божественная литургия может длиться два-три часа. Большое количество песнопений и чтений, псалмов, славословий и

духовных песен (см. Кол. 3:16) – всё это не имеет целью затруднить нашу жизнь или сделать для нас богослужение утомительным. Просто нам нужно время на то, чтобы отрешиться от всей земной реальности и войти в реальность божественную, а также вдохновение, чтобы перенестись туда и разумом, и сердцем.

«Иже херувимы тайно образующе, и Животворящей Троице трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение» – эти слова из песнопения, исполняемого за каждой Литургией, наглядно описывают то состояние ума и сердца, которого мы призваны достичь во время совершения Евхаристии.

Однако между тем, кто мы есть, и тем, кем мы призваны быть, пролегает пропасть, и, на самом деле, немногие достигают состояния обожения. Цель слишком высока, и чтобы добиться ее, требуется большая духовная работа. Тем не менее, нам известны замечательные примеры святых, которые достигли этой цели и даже описали пережитый опыт в своих творениях.

Одним из них был преподобный Симеон Новый Богослов, живший в X – начале XI века. Поэт и мистик, Симеон в своих творениях рассказал о многочисленных видениях божественного света. Он твердо верил в то, что именно Евхаристия в полной мере соединяет человека с Богом и соделывает его обожненным. «Очистившись покаянием и потоками слез, приобщившись, как Бога, Божественного Тела, я тоже становлюсь богом через это невыразимое соединение», – так он писал об этом.

В Евхаристии, утверждал Симеон, мы соединяемся со Христом таким же образом, каким Христос соединен со Своим Отцом. «Посредством причащения мы становимся сынами Небесного Отца и братьями Христа», – писал он. И пояснял: «Сын Божий, Который воспринял от нас человеческую плоть, взамен дает нам Свое Божество посредством Своей обожженной плоти; благодаря такому обмену мы становимся сродниками Его».

В одном из гимнов Симеон описал, что произошло с ним однажды после причащения, когда он возвращался в свое монашеское жилище. Ему было видение, но не видение Христа в каком-либо зримом облике. Это было видение божественного света, светящего не вне, но внутри его тела. Он писал, что каждый член его тела был пронизан божественным светом и обожжен присутствием Божиим: «Мы делаемся членами Христовыми, а Христос – нашими членами: И рука у меня... и нога – Христос. А рука Христова и нога Христова – это я... Я двигаю рукой, и рука моя есть весь Христос... Я двигаю ногой, и вот, она блистает, как Он. Не говори, что я богохульствую, но прими это и поклонись Христу, делающему тебя таким! Ибо если и ты пожелаешь, сделаешься членом Его. И таким образом все члены каждого из нас в отдельности сделаются членами Христа, а Христос – нашими членами... а мы вместе тогда сделаемся богами... и каждый из наших членов

будет всецело Христом».

Как вы понимаете, это не какая-то особая мистическая экзальтация одного конкретного упоенного видением человека. По сути, Симеон пытался рассказать нам о переживании, глубоко укорененном в тайне Евхаристии и принадлежащем не ему одному, но всей Церкви. «Мы вместе тогда сделаемся богами», – вот что он подчеркивал, не считая свой опыт переживания света и обожения чем-то исключительным. Симеон был уверен в том, что при желании любой человек может достичь того же.

По мнению Симеона, причащение должно быть осознанным, то есть причастник должен не только верить в реальное присутствие Христа в таинстве, но и духовными глазами созерцать Его как свет. Он писал: «Если ты... так причащаешься Божественных тайн, вся жизнь да будет тебе одним праздником, и даже не праздником, но поводом для праздника и одной Пасхой, переходом от видимого к умопостигаемому... где мы будем со Христом сопребывающие, со Христом соцарствующие».

На этом я и закончу свое выступление, в котором попытался лишь в общих чертах рассказать вам о православном понимании Евхаристии, выраженном в Литургии, визуальном искусстве, богослужбных песнопениях и богословских творениях отцов. Я не утверждаю, что все в Православной Церкви достигают обожения и становятся святыми. Вовсе нет! Мы лишь недостойные хранители богатой традиции, пришедшей к нам от Самого Христа и отцов Древней Церкви. Я хотел поделиться с вами некоторыми из этих богатств и за предоставленную мне такую возможность сердечно благодарю организаторов конгресса.

Перевод с английского